

УДК 16

DOI 10.19181/2227-8656.2020.1.8

**КОНЦЕПТ
«БЕССУБЪЕКТНОСТЬ»
В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ
И ФИЛОСОФИИ: В ПОИСКАХ
НОВЫХ СМЫСЛОВ**

**THE CONCEPT
OF “NON-SUBJECTIVITY”
IN SCIENCE, CULTURE AND
PHILOSOPHY: SEARCHING
FOR NEW MEANINGS**

Кафаров Тельман Эмиралиевич

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и истории,
Дагестанский государственный
медицинский университет,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: kafarov.56@mail.ru

Telman E. Kafarov

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of the Department
of Philosophy and History,
Dagestan State Medical University,
Makhachkala, Russia,
e-mail: kafarov.56@mail.ru

В статье раскрывается содержание некоторых теорий, построенных на методологической и мировоззренческой основе концепта «бессубъектность»: постмодернизма, конструктивизма, физикализма, когнитивизма, нейрофизиологии, нейропсихологии, нейролингвистики и других наук. Показываются эвристические стороны этих теорий в понимании человека и сознания, а также раскрываются существенные недостатки, заключающиеся в нарушении диалектики объективной и субъективной реальности, субъекта и объекта. Приводятся примеры, иллюстрирующие необходимость всестороннего исследования человека не только на основе изучения физиологии высшей нервной деятельности, но и через его деятельностные, коммуникационные механизмы в культуре и обществе.

The article reveals the content of some theories based on the methodological and worldview basis of the concept of “non-subjectivity”: postmodernism, constructivism, physicalism, cognitivism, neurophysiology, neuropsychology, neurolinguistics and other sciences. The heuristic aspects of these theories in the understanding of man and consciousness are shown, as well as significant shortcomings, which consist in the violation of the dialectic of objective and subjective reality, subject and object, are revealed. There are some examples, that illustrate the need for a comprehensive study of people not only on the basis of the study of the psychology of higher nervous activity, but also the activity and communication mechanisms of human study in culture and society.

Ключевые слова: субъект и объект; бес-субъектность; «смерть субъекта»; постмодернизм; конструктивизм; когнитивизм; нейрофизиология.

Keywords: subject and object; non-subjectivity; “death of the subject”; postmodernism; constructivism; cognitivism; neurophysiology.

Введение

Перефразируя известные слова, с которого начинается «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, можно сказать, что «призрак бродит по Европе, призрак бессубъектности». Действительно, десятки школ и направлений взяли за мировоззренческую, философскую и методологическую основу концепт «смерть», исчезновение, устранение субъекта из науки, философии и культуры. Это и постмодернизм, и конструктивизм в самых разнообразных формах, и комплекс научных дисциплин, объединенных термином «когнитивистика», масса наук, ориентированных на изучение высшей нервной системы, – нейробиология, нейрофизиология, нейропсихология, нейролингвистика и др. Этот призрак бессубъектности присутствует также во всех научных концептах, в которых имеется дух физикализма, крайнего редукционизма и бихевиоризма в понимании материальных и духовных процессов. Об этом массовом умонастроении в современной научно-исследовательской деятельности и пойдет речь в данной статье. Мы хотим показать, что «слухи» о смерти субъекта, его исчезновении, устранении из познания и культуры оказались «сильно преувеличенными».

О бессубъектности ислама и других форм мировоззрения

Известно, что «субъект» (от лат. *subjectum* – «лежащий в основании») – важнейшая философская и общенаучная категория, обозначающая действующего, познающего и преобразующего человека, из содержания которого выхолощено всякое конкретное и индивидуальное своеобразие. Как и большинство научных категорий, он имеет парную природу и существует в единстве с другой категорией – «объектом» (от лат. *objectum* – «предмет»), означающим все материальное и духовное, на которое направлена активность субъекта. В этом плане известные из учебных курсов установки «нет объекта без субъекта, как и нет субъекта без объекта» в целом, конечно, правильно отражают суть их отношений, хотя для полноценного изучения сложной диалектики их отношений этого недостаточно. Следовательно, все рассуждения о смерти, исчезновении, устранении субъекта из культуры, деятельности или познания, о бессубъектном мировоззрении необходимо рассматривать как метафоры, усиливающие происходящие в субъектно-объектной динамике изменения.

И речь здесь идет не только о постмодернизме; такая установка возникла в философских и иных дискурсах задолго до наступления моды на его постулаты. Достаточно вспомнить подходы к оценке восточных культур, в которых якобы общество и его традиции абсолютно довлеют над личностью, предопределяя индивидуальные действия и подавляя всякую субъектность. Аналогичные подходы и на уровне обыденных представлений, и на теоретическом уровне мы встречаем в отношении ислама. Следует вспомнить о том, что в немецких концлагерях пленных, утративших волю к жизни, стремление к выживанию и сопротивлению и, таким образом, превратившихся в бездеятельных, крайне пассивных «живых мертвецов», часто называли «мусульманами», кого бы они ни представляли (по иронии судьбы, большинство из них были евреями). В данном историческом факте находит отражение клише – восприятие мусульман как людей, пассивно и слепо подчиняющихся предопределенной свыше судьбе. К тому же многие знают, что само слово «ислам» означает «покорность», «подчинение», а словосочетание «раб Божий», наверное, в Коране встречается чаще, чем в других Писаниях. Например, в публикациях, претендующих на глубину и теоретичность, совершенно серьезно отмечается, что в исламском менталитете сформировалось совершенно иное, не схожее с иудаизмом и христианством догматическое бессубъектное мышление. Из всех монотеистических менталитетов именно ислам является абсолютно бессубъектным (Можаровский, 2002. С. 199).

Еще более резко звучит подобная позиция у Н.М. Ракитянского, который отмечает: «Монотеизм ислама, догматически отвергая личностные и субъектные установки иудаизма и христианства, как наделенные особым смыслом и реальной значимостью, сам по себе бессубъектен. Неудивительно, что маленький, но суперсубъектный Израиль со своими англо-американскими союзниками успешно противостоит огромному, как океан, но аморфному, разобщенному, внутренне конфликтному, а главное – бессубъектному исламскому окружению» (Ракитянский, 2012. С. 60–61).

Неслучайно подобные позиции получили заслуженную критику со стороны многих философов и исламоведов. Вместо того чтобы предметно и содержательно раскрывать специфику проявления субъектности в различных типах мировоззрения и верованиях, такие установки приводят к росту взаимного непонимания и напряженности в межконфессиональных отношениях. Подобные странные умозаключения вызывают удивление, поскольку абсолютной бессубъектности, да и всякой другой, в любом постижении мира нет и быть не может, хотя

бы потому что субъект всегда выступает в бинарной оппозиции с объектом. Тот, кто хоть немного знаком с диалектической логикой, которую еще никто не отменял, должен знать, что субъект и объект – это такие абстракции и противоположности, которые и предполагают, и отрицают друг друга (Магомедов, 2015а. С. 411–415; 2015b. С. 77–85). Этим самым носители подобных установок показывают полное незнание ислама, в котором нет канонического и церковного богословия, обязывающего верующего к определенному концепту, и действует принцип иджтихада, означающего право каждого мусульманина на нахождение своего смысла в священных текстах, исходя из мировоззренческих, культурных и иных менталитетов. Как еще может проявляться человеческая субъектность в религии, кроме как в признании свободы в понимании различных смыслов своего вероисповедания?

Основные теории, основанные на идее бессубъектности

Наиболее громко идею бессубъектного мышления и мировоззрения провозгласил постмодернизм. Следует сказать, что постмодернистская метафора смерти субъекта также не означает появления бессубъектного мировоззрения, культуры и мышления. Субъект в постмодернизме никогда и не умирал. Ведь смерть субъекта – это не устранение его из познавательного процесса, а доведение этой роли до абсолютных пределов, до отрицания объективно-истинностных характеристик знания и доступности этого знания субъекту. Она означает лишь одно – утрату познания всеобщего и объективного содержания, без чего была невозможна классическая парадигма познания. Этой формулой фиксируется не очищение познания субъекта, а, напротив, дальнейшая субъективация познания, где каждому его участнику дано право вносить свои содержательные смыслы в тексты.

Одним из первых классический дуализм субъекта и объекта попытался устранить конструктивизм, радикальные варианты которого стремились доказать, что реальность не отражается в языке и сознании, а создается, конструируется в процессе наблюдения и познания. Такое конструирование реальности, нарушающее традиционную субъектно-объектную парадигму познания, началось еще с Д. Юма, согласно которому цельный всеобщий (трансцендентальный) субъект классической науки, идущий от Р. Декарта, И. Канта и Г. Гегеля, перестал существовать, и субъект и его я есть не что иное, как пучок изменчивых и текучих восприятий. Согласно конструктивизму, то, что мы называем субъектом, сознанием, является лингвистическими, грамматическими конструкциями языка, которые ошибочно воспринимаются

нами как самостоятельные подобно субстанции Р. Декарта. Следовательно, субъект лишается своей автономной цельности и самостоятельного гносеологического статуса. Поэтому между суждениями «это я» и «это стол» нет никаких различий; они одинаково сконструированы и заданы структурами языка. Человеческое я является таким же объектом, который может существовать автономно по аналогии с материальными объектами.

Как справедливо отмечают исследователи, необходимо различать радикальные формы конструктивизма, которые делают выводы о нереальности субъекта и его самосознания, и умеренные его варианты, признающие цельность и реальность субъекта, несмотря на сконструированность его я. С первыми принципиально невозможно согласиться, поскольку они разрушают субъектно-объектную дихотомию, субъектную упорядоченность нашего опыта, идущую еще от кантовского трансцендентального единства апперцепции и декартовского *cogito*. Позиция же умеренных конструктивистов, особенно представителей социального конструктивизма, имеет важное эвристическое содержание, поскольку он поднимает такие пласты человеческой субъектности, которые, как правило, не входят в сферу интересов других представителей концепта бессубъектности – постмодернизма, когнитивизма и естественно-научных исследований сознания. Речь идет о сложной и многоплановой проблематике исследования социокультурных аспектов формирования человеческой субъективности. Необходимо отметить, что после отхода от марксистской методологии внимание к этому социально-культурному срезу изучения субъекта и его я было несколько ослаблено. А это в условиях крайне сложной, многоплановой и противоречивой социокультурной ситуации, переплетения и столкновения различных культур и менталитетов, крайне важно и актуально (Человеческая субъективность ... , 2016).

Радикальные сторонники концепта бессубъектности могут возразить: позвольте, наука, особенно естествознание, как система объективного знания всегда была и будет такой. С этим действительно трудно спорить: со стороны содержания ценность науки измеряется степенью ее объективности. Но, с другой стороны, весь смысл разделения классической, неклассической и постнеклассической парадигм в науке заключается в том числе в определении различной степени представленности субъекта в содержательной структуре всего знания.

В классической науке субъект познания присутствует исключительно в форме абстракции как внутренний участник познавательного дискурса, который имеет субъектно-объектную конфигурацию. Здесь в

содержательном плане осуществляется элиминация субъекта и его присутствия никто не учитывает, напротив, считается, что его вмешательство снижает ценность знания. Неклассическая наука, особенно теория относительности и квантовая физика, показала, насколько субъект-наблюдатель неустраним из процесса познания, он составляет внутренний момент познания, и под объективностью знания стали подразумевать не его независимость от субъекта, а иные характеристики знания, связанные с его содержанием. Поскольку этот вопрос хорошо освещен в учебниках по философии и методологии науки, мы не будем подробно останавливаться. Еще более существенная субъективация знания происходит в постнеклассической парадигме, согласно которой в точках бифуркации система ведет совершенно спонтанно, забывая свои прошлые состояния. Поэтому в исчислении закономерностей в хаотической массе случайностей и аттракторов, когда прошлое, настоящее и будущее не связаны в единую цепочку детерминизма, возрастает степень зависимости от методологической и философской культуры субъекта познания.

Таким образом, происходит процесс сближения естественных и гуманитарных наук, известная гуманитаризация и субъективация всего знания, как предвидел К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», когда говорил: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание; это будет одна наука» (Маркс, 1978. С. 124).

Об этом высказывании всегда вспоминается, когда знакомишься с методологическими и мировоззренческими основаниями различных форм когнитивизма. В чем сущность когнитивной революции, которую предложили сторонники естественно-научного изучения мозга – нейробиологии, нейрофизиологии, нейропсихологии, нейролингвистики и т. д.? По их убеждению, познавательные акты должны быть поняты как процессы переработки информации, которая имеет место на основе так называемых ментальных репрезентаций, записанных на некотором материальном носителе; для человека – это головной мозг. Поэтому нужно не только изучать внешние реакции, но и серьезно исследовать то, что происходит внутри мозга в процессе переработки этой информации (Лекторский, 2015). Это, согласно когнитивизму, разрушает традиционную субъектно-объектную парадигму познания. Сущность человека и его поведенческие механизмы должны изучаться только через исследование когниций – всех информационных данных при изучении нейрофизиологических, нейропсихологических и иных процессов. А все то, что традиционно относится к субъективной реальности, названные ими квалиа,

недоступные для информационного исследования на базе нейрофизиологических детерминант, не могут изучаться и объясняться наукой. Одни, например, Д. Деннет, считают их псевдообъектами, которых на самом деле нет (Dennett, 2003); другие, как известный философ Д. Чалмерс, считают, что они изначально существуют в самом фундаменте мира, не становясь объектом научного исследования (Chalmers, 2006).

Возражения вызывают не сами попытки исследовать человека и его субъектность через когнитивные механизмы, связанные с нейрофизиологическими и нейропсихологическими процессами. Этим эффективно в мире и у нас занимаются сотни авторитетных коллективов и исследователей. Всем известны четыре основные составляющие формулы НВИС-технологий, которые находятся на острие социально-экономического развития, – это нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии. Возражения вызывают лишь радикальные устремления представить когнитивные механизмы изучения человека как единственно правильные и эристические, как это делает В.М. Аллахвердов в своих работах (Аллахвердов, 2016). Основательный анализ несостоятельности такой физикалистской позиции был дан Д.И. Дубровским, который отмечает, что она крайне упрощает многоплановую природу субъекта и его сознания. За бортом остаются актуальнейшие вопросы онтологии, аксиологии и праксеологии, вся экзистенциальная проблематика, задача объяснения субъективной реальности как специфического и неотъемлемого качества сознания (Дубровский, 2017).

Сказанное означает, что субъекта эффективно можно и нужно постигать через информационные когнитивные процессы. Безусловно, информация о мире записывается и кодируется в нейродинамических структурах. Через них можно воздействовать на человека, можно даже считывать некоторую информацию, можно редактировать генетическую карту и управлять ее структурой, часто говорится о различных политехнологиях, социальных и образовательных технологиях. Мы уже не говорим об успехах и моде на теорию и практику нейролингвистического программирования (НЛП).

Основной вывод

Проведенный анализ различных концептов бессубъектности познания и культуры еще раз убеждает нас в том, что, несмотря на достоинства всех этих теорий, человеческую субъектность и субъективность характеризуют не мозговые нейродинамические и физиологические процессы, а деятельностные и поведенческие механизмы включения человека в общественные связи и культуру, о чем не следует забывать.

Литература

Аллахвердов В.М. Психика и сознание в логике познания // Вестник СПбГУ. Серия 16. 2016. Вып.1. С. 35–46.

Дубровский Д.И. Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии. 2017. № 9.

Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3–16.

Магомедов К.М. Субъектные метаморфозы в различных типах мировоззрения и картинах мира // Вестник Иркутского гос. технического ун-та. 2015. № 5 (100). С. 411–415.

Магомедов К.М. Проблема субъекта в исламской теологии // Исламоведение. 2015. № 2. С. 77–85.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 41–174.

Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб.: ОВИЗО, 2002. 271 с.

Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 12 : Политические науки. 2012. № 5. С. 53–70.

Человеческая субъективность в свете современных выводов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы круглого стола // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.

Chalmers D. The Conscious mind. Oxford: Oxford Academ., 2006. 432 p.

Dennett D. Freedom Evolves. N.Y.: Oxford University Press, 2003. 347 p.

References

Allahverdov, V.M. (2016). Psyche and consciousness in the logic of cognition. *Vestnik SPbGU*, ser. 16, 1, 35-46. (in Russian).

Dubrovskij, D.I. (2017). Consciousness as a “puzzle” and “mystery”: to the paradoxes of “radical cognitivism”. *Voprosy filosofii*, 9. (in Russian).

Lektorskiy, V.A. (2015). Is it possible the science of man? *Voprosy filosofii*, 5, 3-16. (in Russian).

Magomedov, K.M. (2015). Subjective metamorphosis in different types of worldview and world pictures. *Vestnik Irkutskogo gos. tekhnicheskogo universiteta*, 5 (100), 411-415. (in Russian).

Magomedov, K.M. (2015). The problem of the subject in Islamic theology. *Islamovedenie*, 2, 77-85. (in Russian).

Marks, K. Economic and philosophical manuscripts of 1844. Marks K., Engel's F. *Compositions*, 42, 41-174. (in Russian).

Mozharovskij, V.V. (2002). Criticism of dogmatic thinking and analysis of the religious and mental foundations of politics. SPb.: OVIZO. (in Russian).

Rakityanskiy, N.M. (2012). Experience of conceptual analysis of the Islamic mentality in the context of political psychology. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 5, 53-70. (in Russian).

Human subjectivity in the light of modern findings of cognitive science and information and cognitive technologies (2016). The materials of the round table. *Voprosy filosofii*, 10, 5-35. (in Russian).

Chalmers, D. (2006). The Conscious mind. Oxford: Oxford Academ.

Dennett, D. (2003). Freedom Evolves. N.Y.: Oxford University Press.

Поступила в редакцию

27 ноября 2019 г.